

Константин ИЛЬНИЦКИЙ

ТРАЯНОВЫ ВАЛЫ

На горькую латынь стихи переведа,
испытывать судьбу отправился в набег.
Так пересохший лес напрасно ждет дождя.
Пускай хотя бы снег, холодный белый снег.

Лексический порог издревле стерегли
Траяновы валы — имперский оберег.
Метели замели забытый край земли.
И был один на всех — холодный белый снег.

Здесь погонял табун косноязычный гунн,
изматывал коней маневром обходным.
Но не пройти врагу, поводя на снегу,
ему пощады нет, как и его родным.

Траяновы валы — для варваров запрет.
Манящие миры. Мечты, по существу.
Но разминулс с ним на тыщу с лишним лет —
читателем моим,
примкнувшим к большинству.

Обугленный пролом. Заснежен окоем.
В усилки моем — поэзия чиста.
Она вернулась в дом, мой разоренный дом
и мертвым языком наполнила уста.

14 — 18 декабря 2011 г.



Алена ТИЩЕНКО

ОТ РАССВЕТА ДО ЗАКАТА

От рассвета до заката
листья падают бесшумно.
Кто быстрее земли коснется —
соревнуются, бродяги.
На ветвях сидит ворона и,
себя считая умной,
наблюдает за листвою,
головой чертя зигзаги.

Парк остыл, скамейки влажны,
и асфальт покрылся грязью,
люди с красными носами
плотно кутаются в шубы.
Лишь бездомные собаки, кувыркаясь,
без боязни
лают громко, чешут спины
о чернеющие срубы.

Город вымер, в спячке люди,
а ведь это только осень,
но придет зима — и что же?
Где укрыться на зимовку?
А вон там, на той аллее,
где стояло пару сосен,
чей-то кот сидит с табличкой:
"Объявляю голодовку".

Всюду серо, мрачно, стыло,
неприкаянность и скука,
жизнь кипит, но где-то между
параллельными мирами.
И никто не обогреет, не протянет другу руку,
ходим мимо, смотрим мрачно,
словно все это не с нами.

Пишем письма, отправляем
и надеемся, что будет
удивительное что-то,
ведь должно же так случиться...

Только лист осенний желтый
на ветру устало крутит,
он бросается к прохожим
и заглядывает в лица.

Екатерина ЧУДНЕНКО

День не сдает экзамен.
Сумерки наползают.
Время вlepляет свежие
жалящие затрещины.
У меня на стене висит женщина
с голубыми глазами.
И я не знаю и доли того,
ЧТО
знает эта женщина.
Борется с призраком города
призрак мой тараканий.
Сон и явь не меняю
в спешке
на что-то третье.
Женщина кутает голову
темно-багряной тканью.
Это женщина старше меня
где-то на двадцать столетий.
Я не справляюсь с течением
времени,
вяжется
страх бесконечной шалью.
Кутает землю и крыши.
Женщина, помоги мне,
женщина, ты меня слышишь?
Я ей шепчу, и, кажется,
женщина меня слышит.
Женщина, знаешь, от жажды иметь
стала я пошлой и мнительной.
И не вспомнить уже, не понять,
что же за вещество я.
Где-то внутри поселилась смерть
и прорастает стремительно.
Женщина смотрит и верит в меня,
знает, что я существую.
Женщина смотрит, и падает снег.
Женщина смотрит, и август ерошится.
Женщина смотрит, и в новой весне
старые зимы по-новому крошатся.
И я прошу: дай мне, женщина, сил
быть настоящей, живой, а не мнимой.
Кто бы тебя и о чем ни просил,
я хочу жить — чтобы в цель, а не мимо.
Пусть и разбиться, но лишь с высоты.
Мне лишь бы быть, быть собой —
не казаться.
Чтобы смогла я однажды, как ты,
просто смотреть и тепло улыбаться

Слушай рокот и шепот морской волны!
Мы — песок, мы бездумны,
легки, вольны.
Мы повязаны капельками забвения,
Словно пепел какой-то большой войны,
Прекративший тление.

Кто, когда и зачем это дно устал?
Бесконечность вод, бесконечность скал.
Память — прочь волною.

Лишь к чему-то дрожит в кривизне зеркал
Острый профиль того, кто когда-то звал
И по имени вроде бы называл
То, что было мною.

Вероника РОМАНОВСКАЯ

Мы заштопаем брешь — объятьями,
Мы заполним тишину голосом.
Твоя проседь вечерними пятнами
Упадет на мои волосы.

Поцелуй сотрут одиночество.
Я тебе прошепчу: "Извини меня"...
И впервые осмелюсь — без отчества —
Обратиться к тебе по имени.

Мы зашторим окно присутствием
И друг другу посвятим вечер.
Все неважно. Главное — чувствовать,
Что когда мы вдвоем, легче.

С полумраком сливается почерк.
Этот вечер — предвестник бессонницы.
Называй меня так, как ты хочешь,
Только не называй "любовницей"!

На столе после нас останутся
Два бокала, допитых полностью,
Это значит, что скоро расстанутся
Две тяжелых судьбы, два возраста.

Я уже отвести взгляда
От тебя не могу, не рискую,
Потому что, когда ты рядом,
Я люблю, убеждаюсь — живу я!

Мы заштопаем брешь — объятьями,
Мы заполним тишину голосом.
Твоя проседь вечерними пятнами
Упадет на мои волосы.

ЛИСТОПАД

Обжигала прохлада. Листва опадала
И навязчивым ветром бросалась во тьму.

Этот голос знаком мне и незнаком.
Я грущу о нем, но о ком, о ком?
Отзывается шепотом, как молотком,
Голос бьет волнами,
Образуя дыхание в холостом
Безымянном теле, и на пустом
Дне растет цунами.

В этом нашем бездушном морском раю
Я пускаю, как кровь, тишину свою
Тонкой стружкой морского сока,
Протекает мой голос сквозь гул камней,
Чтоб опять родиться, чтоб стать живой.
Кто-то звать устал.
Что ж... ему видней.
Это море безумнее всех морей
Спит во сне глубоком.

Запах цветущей черешни
До невозможности сладок.
Чуется в нем нездешний
Сахар рахат-лукумов.
Нюхаетесь в одурении
Эту цветущую кашу.
Чудится чудо-варенье,
Нежно язык ласкающее,
И вот ты хватаешь цветение,
Губами его срываешь.
Пытаешься в нетерпении
Выпить весеннюю сладость.
Но — что за вкус с горчинкой?!
Что за сок неприятный?!
Что же так огорчило
Дерево, раз оно горько?
А может быть (вот как бывает),
Люди и ветки черешни
Сладость воспринимают
Каждый очень по-разному.

Новое солнце
Играет на старых обоях.
На кухонном столе
Разложены фрукты и овощи.
Я сижу и скрепчиваю
Тебя с собою.
Иногда получают ангелы,
Иногда — чудовища.

Небо отрезком пялится
На сковородки.
Запертый воздух бьется
В оконные щели.
Мне бы сейчас
Да немного водки.
Страшно тебе писать —
До отвращения.

Я вынимаю, выглаживаю
Свои вещи,
Модные в этом сезоне,
Модные в прошлом.
Нужно писать выразительней,
Ярче, легче.
Но описание чувств
Кажется пошлым.

Опала листва, а потом догорала,
Как ненужное что-то уже никому.

Так срываются звезды, так падаем мы:
На лету горим, на любовь опаздывая,
На подвиг, на освобождение из тюрьмы,
На праздник, который
ни с кем не празднуем.

Ни веселия шумного, ни шашлыка,
Ни манящего запаха дыма — не надо.
Мы сгораем, как листья, но лишь свысока
Нам видна и понятна земная прохлада.

Это наша судьба, мы — лишенные виз:
Ни по чужой, ни по собственной прихоти

Мы уже не взлетим и не спустимся вниз,
Так пока мы летим и горим — смотрите!

Опала листва. Обжигала прохлада.
Мы бросались под ноги, сгорали в дыму.
Разве кто-нибудь думал
в момент листопада,
Что он станет не нужен нигде никому.

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ

Люблю тебя спустя несколько лет
После этой разлуки нашей...
Люблю тебя —
не признание, нет —
Отголосок души, уставшей

От нее, от любви безутешной
И неотвратимо прошлой...
Люблю тебя святостью грешной,
Любовью душевно-пошлой.

Люблю тебя, отпустив навсегда.
И мне... не должно быть страшно...
Люблю тебя с опозданием, да,
Любовью люблю опоздавшей!

Что-то банальное очень
Есть в этом деле.
Ты, как никто,
Умеешь
Видеть глубины.
Я не справляюсь
С внутренней
Бухгалтерией.
Делаю громче шоу
С мистером Бином.

Стирка — как поиск себя.
Глажка — как наказание
За недостаточность красоты
Письменных выражений.
Если бы можно было тебя —
Как их всех — слезами
Или каким-нибудь
Соблазнительным
Телодвижением...

Ты, как никто,
Умеешь стрелять и целиться.
Я не всегда готова
Становиться мишенью.
Я что-то чувствую
(Если вообще это ценится),
Но это чувство
Вроде как
Несовершенно.

Лучше цедить компот
Со спелыми вишнями.
Мир может быть лишь сейчас
Весь пронизан тобою.
Если не получается — это лишнее.
Старое солнце играет
На новых обоях.

А месяц не желтый — бурый —
И катится по кривой.
В себе убиваю дуру,
Пытаясь остаться живой.

Пусть тянется от запястья
Надежд и желаний нить.
Я жадную глотку страсти
Отказываюсь кормить!

Ты смотришь легко и метко,
Сжигаешь во мне меня.
Пусть хочется каждой клеткой
Покрепче тебя обнять.

Пусть где-то под глупой кожей
Проносится ураган.
Но слишком ты невозможен,
Чтоб падать к твоим ногам.

Твой голос меня калечит.
Какая здесь благодать?!
Чтоб стало немного легче,
Отказываюсь желать.

Давай же, давай, не мешкай:
Заканчивай свой обряд.
А месяц глядит с усмешкой
И в небо пускает яд.

Люблю тебя спустя несколько лет
После этой разлуки нашей...
Люблю тебя — не признание, нет!
Почему-то признаться — страшно.

Люблю тебя, отпустив навсегда.
Тоскою томлюсь томлящей.
Люблю тебя сейчас, как тогда,
Любовью люблю настоящей!

Люблю тебя и не знаю, как быть
С отголоском души уставшей.
Люблю тебя и пытаюсь забыть,
Продолжая любить тебя дальше.

ПОЦЕЛУЙ

Твой поцелуй так сух...
И в зареве вечернем
Слова пронзают слух
И веют огорченьем.

Давай без трюков, лжи,
Давай без перемен!
Ты только мне скажи:
К чему обман в обмен

На чувство?.. Чуть дыша,
В тревоге снова вижу,
Что становлюсь на шаг
Счастливей... и ближе

К тебе, чем ночь и звук,
Чем все слова-пароли,
Твоих касаясь рук,
Твоей одежды,
боли.

Слова на слух пусты.
Сердца трепещут шумно.
Есть только я, и ты,
И поцелуй безумный!